

либо изображения, он никогда не передал бы перечисленные подробности с подобной точностью: упустил бы одни, ошибся в изображении других. Его точность говорит о том, что он отлично знал этот инструмент, иначе говоря, подобные смычковые инструменты были распространены, ими пользовались в среде, окружавшей художника. Возможно при этом, что на русской почве они имели местное, псковское распространение.

Итак, внешний облик скомороха, т. е. характер его одежды, с одной стороны, и точность изображения — с другой, свидетельствуют в пользу того, что художник представил на фреске того, кто был ему хорошо знаком — русского скомороха, или придал изображенному персонажу черты русского, быть может именно псковского, скомороха. Вместе с тем эта точность сообщает фреске значение очень ценного свидетельства.

Вот почему я хотел обратить внимание историка древне-русского фольклора и историка древне-русской музыкальной культуры на это единственное в своем роде изображение, заслуживающее изучения.

Думается, однако, что цикл композиций, в который входила фреска с изображением скомороха и от которого осталась еще одна композиция и фрагмент третьей, имеет для истории древне-русской литературы и другое значение.

Сюжеты этих изображений, как уже говорилось, остаются автору настоящей заметки неизвестными. Но несомненно то, что они заимствованы не из обычного для росписи храма источника: не из канонической церковной литературы и не из апокрифов о богородице, фактически получивших признание церкви и часто использовавшихся в церковных росписях. Фрески Мелётова иллюстрируют какие-то легенды о богородице. Про эти легенды можно сказать, что хотя они и сохраняли религиозный характер, однако не принадлежали к собственно церковной литературе, и их следует отнести к числу тех произведений — оригинальных или переводных, — которые создала потребность средневекового читателя в назидательном и занимательном чтении. Судя по фреске с изображением скомороха, эти легенды включали в себя черты быта, элементы жанра.

Насколько автор настоящей заметки осведомлен, в памятниках русской письменности XV в., а также и более поздних, не известны легенды, воспроизведенные в мелётовской росписи. Вместе с тем, для того, чтобы попасть на стены псковского храма, они должны были приобрести некоторую популярность в местной среде. Если это так, то фрески Мелётова приобретают важное значение для истории псковской литературы, еще мало изученной. Подобного рода легенды, создаваемые фантазией средневекового человека, представляли собою один из первых шагов, которые он делал на пути освобождения литературы и искусства от подчинявшей их церковности.
